

СЕРГЕЙ СЕРП

САНИТАР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Серп Санитар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66978093

SelfPub; 2021

Аннотация

Желая поразвлечься, Влад заказывает девушку. А что такого? Санитары тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Вот только Влад работает в морге и привык обходиться с телами, словно с кусками мяса.

Содержит сцены физического и сексуального насилия.

Содержит нецензурную брань.

Сергей Серп

Санитар

1999 год

Быстрый стук каблуков по сырому асфальту тонул в низких сумерках, заморозивших узенькие улочки подмосковного городка. Ноябрьские дни коротки, и осенняя темнота налетает внезапно, как сова на зазевавшуюся мышь. Само понятие внезапности может показаться странным и неуместным, но поверьте, это случилось именно так.

Если короткая юбка слишком сильно открывает стройные ноги, лучшим выходом из щекотливой ситуации становятся высокие ботфорты. С незапамятных времен каждой профессии присуща та или иная униформа, служащая отличительной чертой и указывающая на положение в обществе. Положение Анастасии было нестабильным и всегда зависело от конкретных лиц, в обществе которых ей приходилось проводить время. Лица менялись часто, но положения в основном оставались стандартными: снизу, сверху, сбоку, на коленях или на четвереньках. В двадцать один год Настя окончила профессиональное училище по специальности повара холодного цеха, но вместо столовой вышла на панель. Она была умна, в чем-то талантлива, в меру красива и мила, к тому же без предрассудков.

То чем она занималась, не было работой, скорее, опасное

хобби. До тех пор, пока путана продолжает ощущать себя женщиной, пока не отождествляется с товаром, вещью, скотом для стрижки или бойни, и не работает ради дозы, она способна отыскать в своей профессии романтику с примесью приключений. Анастасия мечтала быть именно такой, но разум убеждал её в обратном. Бывало, что Настя по несколько дней не выходила на улицу и не подходила к телефону. На точке она не стояла, клиенты находились сами собой. Ее внешний вид, когда она прогуливалась вдоль оживленной улицы или трассы, говорил сам за себя. Иногда она оставляла номер телефона особенно понравившемуся клиенту, который, в свою очередь, мог поделиться им, как это, видимо, и случилось сегодня. Адрес, названный по телефону, оказался моргом.

Придя на место, Настя подумала, что это ошибка, неудачная шутка и решила уехать обратно, но, когда из-за угла ее окликнул мужской голос, повернулась и увидела под тусклым фонарем высокую фигуру в белом халате. Пройдя несколько шагов навстречу неожиданному клиенту, девушка успокоилась и решила, что в происходящем нет ничего странного, ведь у кого после кризиса могли быть деньги.

«Надеюсь, не зубными коронками расплачиваться будет», – подумала про себя Настя, а вслух с улыбкой сказала:

– Привет.

– Привет, – молодой человек едва дернул губой.

На вид ему не дашь больше двадцати двух лет. Высокий

лоб, длинный нос, резко очерченные скулы, нижняя челюсть заметно выпирала вперед, обнажая не до конца смыкавшиеся зубы. Глаза светлые, но в темноте было непонятно, голубые они или, скорее, серые.

– Прямо проходи.

Оказавшись в темном коридоре, ночная бабочка поспешила на белый искусственный свет, горевший в дальнем конце. Свет был холодным, беловатым, окружавшим длинные, тихо гудящие лампы, подвешенные на потолке.

– Сюда, – взяв девушку за руку, чуть выше запястья, молодой человек направил ее в прилегающую комнату.

Справа у стены располагался стол, накрытый полинявшей клеенкой. На столе стояла начатая бутылка недорогого виски и стакан.

– Выпьешь?

– С удовольствием, – вновь улыбнулась Настя.

Улыбка очень шла ее лицу, хоть и не была искренней. Эмоции, выражаемые губами, часто отличаются от затаенной в глазах грусти. Подобное выражение лица доведено до автоматизма у всех проституток и торговцев подержанной техникой. Впрочем, это их не единственное сходство.

– Ты красивая, – наклонив голову набок, сказал парень, – люблю красивых.

– Красивых все любят, – ответила на комплимент девушка, делая небольшой глоток, после чего поспешно отняла холодное стекло от губ и вытянула руку, жестом призывая чок-

нуться.

– Влад, – представился парень за мгновение до столкновения стаканов.

– Настя, – кивнула девушка, копируя манеру собеседника наклонять голову набок.

Она никогда не начинала приставать к клиенту первой. Мужчина обязан проявлять инициативу или говорить о своих желаниях. В общении она старалась избегать всяких словесных вуалей и лексических трансформаций, предпочитая называть вещи своими именами, при этом воздерживаться от нецензурных выражений. Член – это член, не «дружок», и уж точно не «малыш». Подобная манера, как ей казалось, опять-таки отличала ее от обычных жриц любви.

– Быстро адрес нашла? – спросил санитар, присаживаясь на стул.

– Да, было несложно.

Влад залпом осушил пол стакана неразбавленного виски, резко поднялся с места и с силой притянул к себе отстранившуюся от неожиданности девушку.

– Не бойся, – едва шевеля губами, тихо шепнул санитар.

Настя почувствовала, как губы молодого человека прикоснулись к её уху, ощутила приятную дрожь и мурашки между лопаток. Закрыв глаза, парень вдыхал утонченный запах женских волос, ни на секунду не ослабляя хватку. Аромат пленял, озаряя в памяти темные закоулки. Что-то знакомое сквозило в этом запахе. Влад открыл глаза, и его зрачки

моментально увеличились. Настя положила ладони на грудь молодого человека, но тот отвлекся и протянул руку к бутылке. Открыв крышку, санитар глубоко вдохнул запах содержимого, стараясь перебить уже захвативший его аромат волос. Влад запрокинул голову и сделал несколько глотков прямо из горла.

– Нервничаешь?

Молодой человек кивнул.

– Я думала, что работника морга сложно взволновать.

– Это другое, – сделав еще глоток, ответил юноша, – ты не такая как они.

Вспомнив комплимент о красоте, Настя решила, что Влад говорит о других девушках, бывавших здесь до неё.

Атмосфера царила на удивление непринужденная. Помимо стола и пары стульев в комнате имелись небольшой гардероб и диван, в углу на тумбочке стоял телевизор, рядом видеомэгафон. За гардеробом виднелся холодильник и еще один небольшой стол с электроплиткой и чайником. Если абстрагироваться, что через коридор находится секционная и холодильник для хранения тел, то комната отдыха ничем не отличалась от расположенных на каком-нибудь производстве или в магазине.

Врач притянул к себе девушку, развернул спиной, начал сжимать ее грудь.

– Так ты уже готов, отлично, – голос Анастасии был чувственным и проникновенным.

Она медленно запрокинула голову. Затылок коснулся выпирающей ключицы своего мужчины. Впервые за несколько смен ладони молодого санитара соприкасались с живой, дышащей и теплой плотью. Просунув длинные пальцы между пуговицами блузки, Влад почувствовал, как под нежной шелковой кожей сокращается неутомимое молодое сердце. Девушку захватило сверхъестественное чувство, от которого она моментально растаяла в сильных мужских руках.

– Не надо бояться, – тихий голос вновь прошелестел над ухом.

– Да я и не... – Анастасия не успела договорить, как задрал юбку, Влад развернул девушку к дивану, но вместо долгожданной близости или шлепка по обнаженным ягодицам, она почувствовала резкую боль, проникшую вместе с иглой сквозь мягкие ткани. Крик застрял в горле. Настя едва успела охнуть, когда на нее всем телом навалился возбужденный санитар. Девушка начала дергаться, но длинные пальцы уже сомкнулись на шее. Сидя на пояснице, Влад коленями придавил руки гостьи, не давая ей никакого шанса на сопротивление. Крик Насти тонул в диванных подушках, напоминая хриплый стон. Как рыба в пересошем водоеме, она билась из последних сил, стараясь скинуть насильника и еще разок глотнуть воздуха. С каждой секундой сил становилось все меньше. И наступила темнота.

– Знаешь, какая книга самая страшная?

Анастасия очнулась от струи воды, ударившей в лицо. По-

пытавшись закрыться руками, девушка поняла, что не может ими пошевелить. Струя прекратилась так же внезапно, как и возникла.

– Так вот, знаешь ли ты, какая книга самая страшная?

Это было похоже на кошмарный сон, в одночасье ставший явью. Девушка не сразу поверила, что все это происходит с ней, но жестокая реальность не давала повода для сомнений. Лежа на железном столе в позе морской звезды, она не могла пошевелиться. Лодыжки и запястья обездвижены кожаными ремнями. Настя приподняла голову и увидела, что полностью раздета. Железное покрытие стола сделалось еще холодней. Крик отчаяния вырвался из груди перепуганной девушки, послужив сигналом к началу истерики. Извиваясь, на сколько позволяли ремни, девушка верещала и билась, задыхаясь от комка ужаса, застрявшего в горле.

– Библия. Библия – самая страшная книга, – голос санитары разом заполнил всю комнату, – прочтя её, появляется фобия к жизни.

Настя не понимала ни единого слова. Она едва не лишилась рассудка, став беспомощным кричащим младенцем. В сознание ее вернула струя воды, ударившая в лицо и заставившая умолкнуть.

– Замолчи, иначе будет очень больно, – медленно проговорил Влад, кладя лейку у основания покатога стола с замурованными ножками. Подобные конструкции давно используются в моргах. Они имеют небольшой наклон и стоки, что-

бы вода, при мытье не застаивалась, а также душ и слив. Рядом со столом, на котором лежала Настя, стояла этажерка с разложенными по полочкам инструментами, используемыми в работе патологоанатомом.

Капельки воды, смешиваясь со слезами стекали с лица девушки. Рот приоткрыт, губы дрожали от каждого вздоха. Красные глаза остекленели. Большие угольные зрачки напоминали доисторических жуков, навечно застывших в смоле.

Надев перчатки, санитар быстро провел указательным пальцем от шеи до края внешних половых органов, заставив Настю вздрогнуть.

– Вот так делают вскрытие.

– Нет, пожалуйста, – первые слова дались пленнице с нечеловеческим трудом, но насильник не обратил внимания.

Девушка вновь почувствовала, как пальцы в перчатках сжимают её груди, пощипывают соски. Если бы Настя не была привязана кожаными ремнями к столу, на котором недавно проводили вскрытие, подобные манипуляции с грудью сошли бы за неумелые ласки. От напряжения она не ощущала ничего, кроме омерзительных прикосновений, заставлявших узницу вжиматься в железное покрытие и дрожать.

Сняв джинсы и обувь, парень влез на стол. Из одежды на нем остался только халат, застегнутый на верхние пуговицы, и перчатки. Санитар перекинул ногу через девушку. Кожа Насти впитала тепло обнаженных мужских ягодиц, коснувшихся внешней стороны бедер. Дрожь резко усилилась.

– Я просто займусь с тобой сексом, а потом отпущу тебя, – взяв за подбородок девушку, чтобы их глаза встретились, сказал Влад.

Ни о каком возбуждении со стороны девушки не могло быть и речи. Приподнявшись над жертвой, санитар достал из кармана тюбик какой-то мази и, отвернув крышечку, густо обмазал пальцы левой руки. Убрав тюбик, Влад облокотился на свободную руку и опустил смазанные пальцы на промежность девушки. Убедившись, что мази достаточно, остатки он растер по своим гениталиям.

– Чуть не забыл, – сказал Влад, взяв с этажерки моток широкой изоленды, – обычно, она мне не нужна, но живые могут кричать и кусаться.

Несмотря на сопротивление, санитар в несколько слоев заклеил девушке пухлые губы, и, убедившись, что все идет по плану, подмигнул.

Начало было вполне тривиальным. Женщина на спине, мужчина сверху, больничные декорации. Врач и пациентка. Ролевые игры чистой воды, но Насте было чего бояться. Тело девушки сотрясалось от ритмичных толчков. Не имея возможности хоть как-то отстраниться и абстрагироваться от происходящего кошмара, она отвернулась в сторону, уставившись в голубой кафель. Изоленда, закрывавшая рот, не позволяла не только кричать или кусаться, даже дышать с заклеенными губами было сложно, и когда цепкие пальцы схватили за шею и стали душить, Настя вновь потеряла со-

знание.

Девушка открыла глаза и задержалась, отдавая последние силы, чтобы выбраться из кожаных пут. Настя извивалась, словно с холодного стола в морге, её переложили на раскаленный адский противень. В нос ударил отвратительный запах из маленького пузырька. Настя внезапно поняла, что лучше бы не приходила в сознание.

– О чем ты думаешь? – поймав перепуганный взгляд пленницы, спросил санитар. Покачав головой, он похлопал девушку по щеке, – хотя, ты еще слишком много думаешь.

Врач отошел к стене, где в тени стоял шкаф со стеклянными дверями и полками. Взяв очередной пузырек, санитар закрыл дверь, вернувшись на место с легким дребезжанием.

– Надеюсь, у тебя нет аллергии, – с ухмылкой заметил Влад, выдавливая на ладонь новую порцию мази.

Уместно ли называть происходящее анатомическим театром, если главная героиня еще не вскрыта и, более того, жива? Скорее всего – нет, но действие второго акта не заставило себя ждать. Взяв за горло трепещущую жертву, насильник продолжил с того момента, где девушка потеряла сознание. Движения санитаря были грубыми и причиняли перепуганной девушке резкую боль, но как быстро забываешь о заусенце, прищемив палец, так и дискомфорт в промежности моментально забылся после первого удара по щеке. Девушка безрезультатно пыталась уклониться от пощечин, сыпавшихся одна за другой, но и это оказалось только начало.

Не покидая тела своей жертвы, Влад остановился и вновь повернулся к этажерке. По покрасневшимся щекам Насти ручьем лились слезы. В глазах застыло недоумение, мгновенно сменившееся смертельным ужасом. Влад вздрогнул. Испуг спровоцировал непроизвольное сокращение мышц влагалища.

– Да, – закрыв глаза, прошептал Влад, – Да, – повторил с полуулыбкой насильник. – Я ждал, когда ты так сделаешь, когда ты начнешь думать обо мне.

Настя не совсем поняла, что произошло, но думать было некогда. Предмет, а точнее предметы, породившие волну первобытного страха, были плотными перчатками. С внутренней стороны плотных кожаных аксессуаров поблескивали острия маленьких шурупов. Хенд мейд. От боли глаза Анастасии едва не выскочили из орбит, когда Влад со всего размаха схватил и сжал в ладонях ее щеки. Не отнимая рук, юноша потряс девушку за голову, словно приводя в чувство. Крик девушки получился настолько сильным, что хриплый отголосок прорвался сквозь кляп. В ответ на боль мышцы влагалища вновь сократились.

– Да! – сжав разодранное лицо жертвы, простонал молодой экзекутор.

Железные руки обрушились на грудь. Нежная розовая кожа с мелкими ореолами едва потемневших сосков превращалась в однородную кровавую экспрессию в стиле Джексона Поллока. Живот, шея, бедра – все, что попадалось под ру-

ку, «мастер» уродовал в единой стилистике. Все реже двигая бедрами, садист уверенно приближался к экстазу за счет рефлекторной помощи жерты. Анастасия ничего не могла поделать, молитвы закончились, и непроглядный туман, окутавший разум, когда она впервые очнулась на столе, казался сейчас легкой хмарью. Smoke on the water.

Несмотря на недостаток кислорода, боль и кровопотерю, Настя оставалась в сознании. Она мечтала сойти с ума, отключиться, вырубиться, а лучше – умереть, пока озверевший санитар раздирал железными ладонями бедра, пока худощавое тело в белом халате конвульсировало в неконтролируемом экстазе. Кончив, насильник съезжился и едва не заснул. Из него словно вынули батарейку. Руки, терзавшие девичью плоть, безжизненно повисли вдоль сторбившегося туловища. Настя закрыла глаза. Кожа горела, но она этого не чувствовала. Подобно своему истязателю, девушка лишилась сил, и лишь одна надежда теплилась в истощенном рассудке, надежда на скорейшее избавление от мук любимым способом.

Пока она лежала без сознания, Влад слез со стола и, обойдя его, взял с этажерки пузырек с психостимулятором. Набрал жидкость в шприц, санитар сделал укол себе, а затем ту же иглу вставил несчастной подопытной. Как переутомившийся студент, коснувшийся лбом стола, вздрогнув, просыпается, так и Настя мгновенно очнулась, от боли в левом предплечье. Девушка дернула рукой, но этого оказалось недостаточно, чтобы стряхнуть иголку, зато вполне хватило,

чтобы пошатнувшаяся игла причинила еще больше неприятных ощущений.

– А-а... – сквозь скотч простонала пленница, отворачиваясь от вида инъекции.

Запекшиеся кровоподтеки по щекам сбежали на волосы, сделав их липкими. Девушка вновь почувствовала холод, начался озноб, но не прошло и минуты, как ей стало лучше. Нет, её не развязали, не отпустили и даже не накрыли простыней, причиной внезапного улучшения стал психостимулятор. Разодранная кожа перестала саднить, сердце забилось чаще, ровнее, и наступило мнимое облегчение. Происходящее приобрело оттенок ожившего сна, галлюцинации. Девушка мотала головой из стороны в сторону, словно забыв, где находится, и что вообще происходит. Так продолжалось недолго, до тех пор, пока Влад вновь не взял её за горло. Едва острые кончики шурупов коснулись израненной шеи, как Анастасию начало раздирать изнутри. Пленницу трясло, да еще сильнее, чем прежде, а после сковала судорога, заставив сократить каждую мышцу. Спазм то исчезал, то появлялся вновь, и как бы сильно жертва не билась о железное покрытие, она не чувствовала боли. В гаснущем разуме правил бал бессознательный, хаотичный ужас.

– Да, отлично, – кивая самому себе, мурлыкал Влад. Происходящее приятно волновало и возбуждало насильника.

Девушку лихорадило все сильнее. Настя закричала. Протяжно, истошно – так, что едва успевала вдохнуть. Чтобы

максимально ограничить подвижность, Влад перекинул через живот и грудь жертвы два широких жгута, закрепив их под столешницей. Плотная резина не позволяла Насте ни выгнуться, ни сползти, и причиняла дополнительную боль от соприкосновения со свежими ранами.

– Так-то лучше, – взглянув на свою работу, санитар довольно улыбнулся. Сняв перчатки, извращенец в третий раз достал из кармана жирную мазь, обильно смазал место контакта, после чего забрался на стол.

Сидя на бедрах девушки, Влад почувствовал тепло. Насильник обернулся и воочию убедился, как ей было страшно. Вытерев полый халата небольшую лужу, вытекшую из-под пленницы, молодой человек приступил к финальному, из запланированных на вечер, половому акту. Все происходило так, как он и хотел. Влад застыл, девушка сама все делала. Насильнику было достаточно просто быть в ней, пока тело жертвы сотрясали судороги, вызванные страхом, болью и психостимулятором.

Хлесткая пощечина или стакан воды, выплеснутый в лицо, может вывести из истерики, переключить внимание, но о каком стакане воды может идти речь, когда тебя пятый час насилуют в морге распятой на железном столе, после недавно вскрытого трупа. Каким вниманием удостоится пощечина после десятка ударов утыканной шурупами перчаткой. Обо всем этом Влад подумал заранее и приготовил особое средство, способное заставить забыть о перенесенной боли.

Авторы нередко сравнивают будоражащие вопли со звуками, издаваемыми обезумевшими животными. Стоит заметить, что основной составляющей мощи подобного крика, является наличие безумия в дословном понимании этого термина. Раздирая глотку, с хрипом и ревом на волю рвется остаток бывшего могущества, вторым голосом, все из той же раздираемой глотки, прорывается отчаяние. Завершает трио – безумие. В разумного слушателя оно вселяет трепет перед тем, что в здравом уме постичь не представляется возможным. Так звучит смерть.

Если бы у Анастасии не был заклеен рот, Влад, капающий кислоту на разодранные лицо и соски, наверняка бы оглох. Сердце несчастной выпрыгивало через горло, а пальцы выкручивались в анатомически-недопустимые положения. Настя билась затылком с таким неистовством, что на столе оставались вмятины, а резиновые жгуты едва сдерживали конвульсирующее, охваченное предсмертной агонией тело.

Сколько по времени продолжалась эта нечеловеческая пытка, неизвестно. В какой-то момент, кислота прожгла чашу жизненных сил, словно пластиковый стаканчик, и все содержимое, в одночасье став бесформенной, неуловимой массой, ушло сквозь дно и растаяло в небытие. Третий акт юноша доигрывал без партнерши, оставив на окровавленных бедрах, густые следы не очень романтического финала. Занавес.

Изуродованное тело покоилось на столе. Убедившись в отсутствии пульса, санитар снял жгуты. Приподняв за ремень ногу, он отпустил её, и конечность, описав дугу, со стуком приземлилась на место. Насильник накрыл стол белой простыней, усталый, но очень довольный.

Когда в соседней комнате раздался телефонный звонок, Влад прибирался. Санитар вздрогнул от неожиданности и прижался к стене, перепутав его со звонком в дверь.

– Да, – Влад постарался придать голосу как можно больше сонливости, но поспешный ответ заставил его забеспокоиться, – К-когда? Да-да, жду, – крикнул санитар, вешая трубку, – черт-черт! Зараза!

Звонили из милиции. С минуты на минуту в морг должны доставить тело. От Влада требовалось как можно скорее его принять и оприходовать по всем правилам. Выдвинув нижнюю полку ледника, санитар свалил в нее одежду и сумку девушки, а следом и саму Анастасию, обернутую в белую простыню. Убийца спешил, оставалось еще замыть кровавые подтеки, оставленные на столе, да и себя привести в порядок.

Едва скомканная тряпка приземлилась в мойку, как вновь раздался звонок. Мотивом он и впрямь напоминал телефонный, но на этот раз уж точно был дверной. На пороге ждали двое труповозов, держа за края плотный черный мешок, провисший под тяжестью тела. Стоящий ближе к двери был в шапке петушком, второй – без шапки, но с сигаретой в зубах. Дым ел курильщику глаза, а горячий пепел падал прямо

на полиэтиленовую ношу. Влад знал их, да и он был знаком труповозам. Вместе не пили, общались, только если требовала работа, изредка обмениваясь парой отвлеченных фраз, как соседи, оказавшиеся в одном лифте.

– Заносите, – сказал Влад и быстро оглянулся, словно в последний раз проверяя, не забыл ли что-нибудь припрятать.

– Ментам сегодня не спится, – выплюнув на пороге догорающий бычок, заметил мужчина без шапки. – Ты дверь закроешь?

– Да, да. Сейчас, – едва войдя в секционную, санитар заспешил обратно в темный коридор, где кое-как разминулся с коллегами.

Избавившись от сигареты, разговорчивый продолжил расспросы.

– Тебя разбудили что ли? Какой-то нервный.

– Да. Задремал, а тут вы, – отмахнулся парень, неловко скрывая раздражение, – кладите на стол, будем смотреть.

– Мы-то положим, а смотри сам. Пока эту дичь грузили – насмотрелись, так что лично мне хватило, – носильщик в петушиной шапке покачал головой.

– Что же там внутри? – подойдя к столу, спросил Влад.

– Женщина. Менты говорят, что в лесополосе нашли. Частично собаки из соседних гаражей обглодали, но вряд ли она из-за собак умерла.

– Что ж тогда за срочность?

– Предполагают, что это дочка братка одного, вот и спе-

шат.

– Ну, спасибо, мужики, мне только с братками хлопот не хватает.

– Да от тебя же ничего и не надо, так, видимость оперативной работы создать. Все равно начальник твой ковыряться в ней завтра будет.

Не желая задерживаться, труповозы синхронно развернулись и направились к выходу,

– Ладно, бывай.

– Ага, – кивнул парень, провожая уходящих коллег.

Вернувшись в комнату, Влад вновь надел перчатки и осторожно начал расстегивать молнию на черном мешке. Работа в морге требует поистине стальных нервов и полного самообладания. Впрочем, и это еще не залог успеха, любая психика может дать сбой. Содержимое мешка могло бы стать иллюстрацией к слову «омерзительно». Пусть когда-то это и был живой человек, но то, что от него осталось после встречи с собаками и теперь покоилось в морге, иначе было не описать. Парня еще сильнее передернуло, когда он стал замечать невольное сходство, между обглоданным телом, лежащим на столе и тем, что он второпях засунул на нижнюю полку холодильника. Изуродованная грудь, шея и руки в запекшейся крови. У покойной отсутствовали четыре пальца, два из которых оказались завернутыми в отдельном пакетике, а два, скорее всего, остались у собак.

– Да что за... – устало выругался санитар, предчувствуя

долгую писанину.

Застегнув мешок, Влад решил для начала закончить с Анастасией. Выдвинув нижнюю секцию холодильника, он приподнял простыню, вспоминая, каким образом запихивал тело. Оказалось, что девушка покоится лицом вниз, ногами к переднему краю.

Встав на одно колено, как принц перед хрустальным гробом Белоснежки, Влад обхватил тонкую талию и легко забросил тело на плечо. В этот момент из простыни выпала раскрытая женская сумочка, рассыпав по полу все содержимое.

– Зараза, – выругался санитар, провожая усталым взглядом, убегающий под шкаф тюбик губной помады.

Едва шорох разлетевшихся предметов сменился тишиной, как старое здание с высокими потолками вновь наполнилось душераздирающим криком, закончившимся падением. Но обо всем по порядку.

Что происходило с Настиним организмом в холодильнике в подробностях неизвестно, и мы можем только предполагать. Небрежно бросив тело на полку лицом вниз, Влад, сам того не зная, запустил сердце умирающей девушки. Подобные случаи нередко фиксировались во время боевых действий. Раненые солдаты, упавшие на грудь, имели шансы выжить, в отличие от бойцов, приземлившись на спину. С девушками облитыми кислотой вряд ли уместно говорить о везении, но то, что она очнулась и сумочка оказалась под ру-

кой, не назовешь иначе, как счастливой случайностью. Физическая боль притупилась, уступив место небывалой злости и жажде мести.

Провожая взглядом пляшущий по кафелю тюбик губной помады, доморощенному садисту и в голову не могло прийти, что это станет последним зрительным образом в его жизни. Через мгновение маленькая женская ручка с зажатым в кулачке сапожным шилом наотмашь рассекла воздух.

Упав на пол от болевого шока, Влад потерял контроль над собственным телом. Насильник стал извиваться и хаотично дергать конечностями, как осужденный на электрическом стуле. Из раскрытого глаза торчала деревянная рукоятка, венчавшая несколько сантиметров стали, утопленной в мягкую плоть. Второй глаз оставался открыт. Черный зрачок закатился вверх. Анастасия упала рядом, ударившись спиной и затылком. Повернув голову набок, она смотрела, как корчится в муках её палач. Девушка попыталась подняться на четвереньки. Хоть и не сразу, но ей это удалось. Не вставая с колен, Настя подползла к лицу трясущегося насильника и резким движением выдернула шило из глаза. Пронзительно вскрикнув, Влад лишился чувств. У Анастасии кончились слезы, она не плакала и не знала жалости к обидчику. Зло породило зло, насилие вскармливало насилие.

Девушка, облитая кислотой.

Девушка с разодранной кожей.

Едва не погибшая, она волокла к холодильнику тело сво-

его мучителя. В ледяной саркофаг, туда, где недавно лежала сама. Уложив Влада на нижнюю полку, Настя с нескрываемым отвращением задвинула её на место и отошла к столу. На полу остался кровавый след от пульсирующей глазницы.

– Ну уж нет. Я не повторю твоей ошибки, – прошептала девушка, заметив на этажерке блестящий молоток...